

Проблематика правовой свободы в творчестве И. Канта

Tumanov, Andrei

Veröffentlichungsversion / Published Version

Zeitschriftenartikel / journal article

Empfohlene Zitierung / Suggested Citation:

Tumanov, A. (2014). Проблематика правовой свободы в творчестве И. Канта. *Koncept (Kirov): Scientific and Methodological e-magazine*, 1-8. <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-451407>

Nutzungsbedingungen:

Dieser Text wird unter einer CC BY-NC-ND Lizenz (Namensnennung-Nicht-kommerziell-Keine Bearbeitung) zur Verfügung gestellt. Nähere Auskünfte zu den CC-Lizenzen finden Sie hier:

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.de>

Terms of use:

This document is made available under a CC BY-NC-ND Licence (Attribution-Non Commercial-NoDerivatives). For more information see:

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0>

Туманов Андрей Андреевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВПО «Мурманский государственный технический университет»,
г. Мурманск

andrey.tumanov.1975@mail.ru

Проблематика правовой свободы в творчестве И. Канта

Аннотация. Статья посвящена вопросам, относящимся к проблематике права и правовой свободы, рассмотренных И. Кантом в рамках созданной им критической философии, а также взглядам на данные вопросы исследователей его творчества.

Ключевые слова: Иммануил Кант, право, правовая свобода, критическая философия, философия права.

Не вызывает всякого сомнения тот факт, что Иммануил Кант относится к той категории мыслителей, интерес к творчеству которых, не смотря на проходящие столетия, не ослабевает, а наоборот, постоянно возрастает. В трудах И. Канта вновь и вновь ищут ответы на возникающие актуальные теоретические и практические вопросы. К глубокому сожалению, исторически сложилось так, что философия права И. Канта, включая проблематику правовой свободы, не выдвигалась в центр исследовательского внимания историков философии. Тому есть несколько причин. Первая и самая очевидная состоит в том, что в системе критической философии (если иметь в виду содержание трех "Критик"), право у И. Канта, в отличие, например, от Г. Гегеля, ни в какой мере не стало самостоятельной темой. Отсюда нетрудно было сделать вывод (редко формулировавшийся со всей определенностью, но зачастую подразумеваемый), что для систематической реконструкции философии мыслителя, правовая проблематика имеет факультативное значение. Что же касается правовой свободы, то само ее существование в философии И. Канта в качестве особой формы (или разновидности) свободы, в принципе, признается крайне редко.

Однако, необходимо признать, что в "Критике практического разума" право у И. Канта все же появляется (хотя и косвенным образом) при обсуждении соотношения "моральности" и "легальности". Легальный поступок, по мнению мыслителя – это законосообразный поступок, внешне соответствующий предписаниям закона вне зависимости от его мотива (морального или неморального). Понятие легальности в моральной философии введено И. Кантом в противоположность моральности. Моральная воля свободна, она не зависит ни от чего внешнего и автономно определяет себя сама, тогда как цели и мотивы легальных поступков могут быть определены извне, и потому воля в них оказывается гетерономной, несвободной. В "Критике практического разума", философ непосредственно анализировал легальность в контексте нравственного законодательства, но легальность в собственном смысле является правовым понятием, поскольку она фиксирует соответствие закону внешних поступков, а внешние поступки (в отличие от мотивов) регулируются именно правом.

В "Критике способности суждения" проблематике права мыслителем уделено незначительное по объему, но далеко немаловажное место в контексте анализа культуры, трактуемой им как "последней целью природы". Достижение всемирно-гражданского правового состояния, определено И. Кантом как необходимое условие, позволяющее человеку ставить и осуществлять любые цели, поскольку только оно может обеспечить внешнюю свободу как средство осуществления внутренней свободы. В результате данного подхода, право, хотя оно и поставлено в связь со сво-

бодой, понято здесь И. Кантом лишь как внешнее средство осуществления свободы, но еще не как правовая свобода.

Главным сочинением мыслителя по философии права являются "Метафизические начала учения о праве" (1797 г.), составившие первую часть книги "Метафизика нравов". Кроме того, проблематика права и политики стала одной из центральных и в других сочинениях последнего периода творчества И. Канта. Почти все работы, в которых ей уделено достойное место (за немногими исключениями), были опубликованы им в 90-х гг. XVIII в., когда создание системы критической философии И. Кантом была уже завершена.

Необходимо отметить, что в исследовательской литературе преобладают весьма скромные, а то и откровенно критические оценки "Метафизических начал...", как (отчасти) и других работ И. Канта по правовой тематике. Например, Э. Кассирер в посвященной И. Канту объемной монографии "Метафизическим началам учения о праве" посвятил (в русском переводе) всего 2 страницы, тогда как публикациям И. Канта "докритического" периода – 80 страниц [1]. Но еще важнее содержание интерпретаций. Э. Кассирер увидел в работах Канта этого периода всего лишь приложение выработанных ранее положений критической философии к правовой и политической проблематике, при этом о понятии правовой свободы он не счел нужным даже упомянуть [2]. Кроме того, уже на протяжении двух столетий воспроизводятся упреки в адрес И. Канта в утрате в те годы его дряхлеющей мыслью прежней глубины, в назойливом схематизме и казуистике, присущим его поздним публикациям. В результате, хотя и в истории европейской философии права учение мыслителя оказалась не совсем "ко времени" и не привлекло повышенного внимания ни его современников, ни позже, случилось так, что и ныне историки правовых, политических и социальных учений ему нередко отводят большее место, чем историки философии.

Один из главных для историка философии вопросов состоит в том, в какой мере философия права и правовой свободы, так называемого, "позднего И. Канта" стала развитием и конкретизацией тех же основных философских положений, что были им, выработаны ранее, или же налицо их преобразование, а возможно и пересмотр, в некоторых пунктах существенные. Если принять за верное мнение последнее, то нуждаются в коррективах устоявшиеся в комментаторской литературе представления о философии И. Канта. Основной вопрос для обсуждения формулируется так: если общепризнанно, что в его философии исследованы трансцендентальная и практическая (моральная) свобода, то является ли правовая свобода самостоятельным видом свободы и как она относится к двум другим? Задача данной статьи не в выработке и воспроизведении решения проблемы правовой свободы у И. Канта в развернутой и претендующей на окончательность форме, а в том, чтобы сформулировать саму проблему и обосновать гипотезу ее возможного разрешения.

Большинство содержательных моментов учения И. Канта о трансцендентальной и практической свободе, о теоретическом и практическом отношении в главном считаются достаточно установленными и, если отвлечься от деталей, не дискуссионными. Разумеется, в обстоятельном анализе важны и детали, но при постановке проблемы можно ограничиться общим резюме, поскольку задача в воспроизведении содержания основных понятий его философии, относящихся к теме.

Понятие практического отношения человека к миру было введено И. Кантом в "Критике чистого разума" через его противоположность теоретическому (познавательному) отношению. В теоретическом отношении, отмечал И. Кант, существование предмета (как явления) предшествует нашему представлению (знанию) о нем. В практическом, напротив, наше представление о предмете в форме цели предшествует его существованию, причем для самого отношения неважно, стала ли впоследствии цель причиной действительного существования "объекта". Тем самым практическое в самом общем его значении было понято И. Кантом как синоним це-

леполагающего. Обнаружилось, что цели и мотивы могут проистекать из низшей способности желания. Следующим шагом мыслителя стало уяснение источников целеполагания в практическом отношении, присущей человеку в качестве чувственно-природного существа или же из руководимой чистым практическим разумом свободной воли.

В тех случаях, когда встает вопрос не об определении целей субъекта, а о возможности их осуществления, возникает еще один "слой" практического, так называемого, технически практическое. Осуществление целей может быть эффективным лишь при условии, что человек опирается в своей деятельности на знание тех природных процессов, в которых и по законам которых становится возможной реализация его целей в мире явлений. Технические предписания относятся к средствам достижимости целей и предстают как практические. Но, замечал И. Кант, практическим такое знание является лишь по форме (рекомендаций), тогда как по содержанию оно есть прикладное (преобразованное в правила) научно-теоретическое знание природы. Впоследствии И. Кант выделял еще и прагматически-практическое (воздействия на самого себя и на других людей в процессах общения), практическое по целям (руководствующееся житейской мудростью или правилами благоразумия) и основанное на антропологическом знании.

Нельзя не обозначить и краткое резюме позиции И. Канта в отношении свободы. Так, в "Критике практического разума", философом исследовалась трансцендентальная идея свободы чистого спекулятивного разума. Свобода была при этом понята как ничем не обусловленная самопроизвольная (свободная) причинность. При этом выяснилось, что разум вправе мыслить таковую свободу без противоречий (правда, только лишь применительно к умопостигаемым сущностям), но он не в состоянии обосновать ее реальность и даже возможность ни в отношении таких сущностей ("вещей в себе"), ни тем более в отношении явлений природы. Впоследствии мыслитель (по его мнению) объективно доказал, что воля, руководствующаяся чистым практическим разумом, в состоянии "начать совершенно самопроизвольно некоторый ряд событий" [3] в мире явлений, в результате чего "мы познаем практическую свободу на опыте как причинность разума в определениях воли" [4]. Тем самым И. Кантом была обоснована не только возможность, но и реальность практической свободы. Важно напомнить, что согласно постулата, выдвинутого мыслителем, свободной может быть только воля, определяемая чистым практическим разумом, тогда как низшая способность желания, присущая человеку как чувственно-телесному существу целиком подчинена природной необходимости и не может обладать свободой.

В рамках данного контекста, становится понятным, почему мыслитель обнаружил стремление к отождествлению практического только лишь с моральным и практической свободы – соответственно, с моральной. Отчасти это следовало уже из предмета критической философии, задачей которой стало исследование возможностей и границ априорных трансцендентальных способностей. Главным предметом исследования в "Критике практического разума" стал практический разум, и потому И. Канта непосредственно интересовало не практическое во всем его содержании и объеме, а лишь "разумно практическое". "...Под практической частью философии (рядом с ее теоретической частью) следует понимать не технически практическое, а только морально практическое учение" [5].

В случае, когда философ в другом месте своего сочинения определял практическое как "все то, что возможно благодаря свободе" [6], это также означало, что только моральное есть практическое в собственном смысле, ибо свободно (в тогдашнем его представлении) только оно. В итоге был сделан вывод – отождествление разумно практического с моральным: "Чистые же практические законы... без-

условно, были бы продуктом чистого разума. Таковы моральные законы; стало быть, только эти законы относятся к практическому применению чистого разума..." [7].

Таким образом, можно сделать вывод, что и практическая свобода в то время редуцировалась И. Кантом к моральной свободе. В "Критике способности суждения" структура философии дана в формулировке, означавшей тождество практической свободы с моральной: "...Философию по праву делят на ...теоретическую как натур-философию и на практическую как моральную философию (поскольку, так называется практическое законодательство разума согласно понятию свободы)" [8]. Есть основания утверждать, что эта кантовская редукция разумно практического отношения к моральному (как и практической свободы – к моральной) стала источником большей части последующих затруднений "кантианцев" в их попытках осмыслить философию права в контексте общей системы критической философии мыслителя.

В конечном результате, у И. Канта оказалось всего лишь "две свободы": трансцендентальная идея чистого разума и практическая (она же моральная) свобода. Или (если пользоваться терминологией "Критики чистого разума" – одна идея свободы, но в двух ее применениях: в теоретическом (спекулятивном) и в морально практическом. Никакой еще одной "третьей" свободы наряду с ними не только не предполагалось, но и быть не должно. Именно так понимает учение мыслителя о свободе подавляющее большинство исследователей и комментаторов его наследия на протяжении двух последних столетий.

Но, вместе с тем, в "Метафизических началах учения о праве" существование правовой свободы (как специфического вида свободы) не просто допускалось, но и утверждалось мыслителем со всей определенностью. Он подчеркивал, что есть только одно-единственное приращенное право человека и что это право – свобода. "Свобода (независимость от принуждающего произвола другого), поскольку она совместима со свободой каждого другого, сообразной со всеобщим законом, и есть это единственное первоначальное право, присущее каждому человеку в силу его принадлежности к человеческому роду" [9]. Далее философ утверждал и демонстрировал, что правовое равенство, право распоряжаться собой, своим имуществом и мыслями и пр. – "все эти правомочия заложены уже в самом принципе приращенной свободы и... действительно не отличаются от этой свободы" [10]. То, что все эти правомочия неотличимы от правовой свободы – является важным выводом, из которого, в частности, следует, что без понятия правовой свободы, метафизические начала учения о праве у И. Канта были бы в принципе невозможны. Столь же несомненным для философа было и то, что правовая свобода, понятая как "независимость от принуждающего произвола другого" [11] – это особая свобода, существенно отличающаяся от моральной свободы воли.

Если следовать трактовке И. Канта, нельзя усомниться, в том, что правовая свобода также является практической свободой. Во-первых, в связи с тем, что она явно не трансцендентальная свобода в контексте космологической идеи чистого разума, и (это критерий практической свободы, по И. Канту) имеет отношение не к объектам, а к субъекту и его практическим целям. Во-вторых, философское знание о правовой свободе выражается в форме предписаний, нормативов. Еще в "Критике чистого разума" при построении системы философии мыслитель отмечал, что философия делится на две части: на философию природы и философию свободы. "Философия природы, – писал И. Кант, – имеет дело со всем, что есть, а нравственная – только с тем, что должно быть" [12]. Аналогичные формулировки встречаются и в других местах произведения. "В практической философии мы не ставим себе задачи выяснить основания того, что происходит, а рассматриваем законы того, что должно происходить, хотя бы никогда и не происходило" [13]. Или: "Я ограничиваюсь здесь дефиницией теоретического знания как такого, посредством которого я познаю, что существует, а практического – как такого, посредством которого я представляю себе,

что должно существовать" [14]. Теоретическое знание – это объяснительная наука о сущем, а практическое – нормативная теория, основное содержание которой составляют императивы и предписания. Философия права есть в полном смысле "нормативная наука", ее основной закон – категорический императив права. Уместно заметить, что в "Метафизических началах учения о праве" формулировке категорического императива права И. Кант предпослал общую развернутую характеристику категорического императива практического разума, в равной мере относящуюся как к моральному, так и к правовому императивам. Категорический императив права, этот "всеобщий правовой закон гласит: поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом" [15]. Очевидны, как параллелизм форм правового и морального категорических императивов, так и содержательные различия между ними.

Приступая к обсуждению проблемы правовой свободы у И. Канта, можно было заранее сформулировать несколько вариантов ее решения. Первый может выражаться в констатации, того, что понятие правовой свободы не столь существенно, чтобы придавать ей особый статус и соответствующее значение, требующее уточнений в общем учении мыслителя о свободе. Второй может выразиться в трактовке правовой свободы как прикладной моральной свободы применительно к явлениям. Третий побуждает рассматривать моральную и правовую свободу в качестве самостоятельного вида (формы) практической свободы. Первый вариант представляется риторическим, и его приходится изначально отвергнуть, поскольку в противном случае устраняется все основное содержание "Метафизических начал учения о праве". Второй и третий имеют основания претендовать на достоверность. На стороне второго почти вся традиция интерпретаций кантовской философии, так как тезис, что право было понято И. Кантом как прикладная мораль, стал уже хрестоматийным. Да и сам мыслитель формулировал подобные утверждения, называя мораль "теоретическим правоведением", и рассматривая право (в одном ряду с добродетелью) как чистое, но "направленное на практику понятие (применение к случаям, имеющим место в опыте)" [16]. Тем не менее, вопрос, действительно ли в сфере права имеют дело с применением к опыту морального законодательства, а правовая свобода есть всего лишь прикладная моральная свобода, остается открытым и заслуживающим дальнейшего анализа.

Один из главных вопросов, возникающих при обсуждении правомерности осмыслить правовую свободу внутри практической свободы как самостоятельную и однопорядковую с моральной, ее форму, связан с разграничением метафизических начал учения о праве и метафизических начал учения о добродетели. Затруднение в том, что как те, так и другие являются приложением законодательства практического разума к опыту, к явлениям, а потому лишь их различие позволит обосновать самостоятельность права в отношении морали и, соответственно, правовой и моральной свободы.

В свое время, П.И. Новгородцев, один из немногих отечественных исследователей, специально и обстоятельно занимавшихся изучением кантовской философией права, обнаружил у И. Канта целую серию противоречий, связанных с установлением отношений между моралью и правом. Главное из них (воспроизводимое И. Кантом в разных формах и вариантах) П.И. Новгородцев усмотрел в том, что "когда он хочет представить право в связи с нравственностью, оно теряет свои специфические черты, когда же он хочет подчеркнуть специфические черты права, оно утрачивает свою связь с нравственностью" [17]. Можно полагать, что некоторые из выявленных П.И. Новгородцевым противоречий действительно имеют место у И. Канта, хотя детальное обсуждение их – тема особая. Что же касается упомянутого, то оно, скорее всего, разрешимо.

Однако, нельзя не отметить, что П.И. Новгородцев в свое время упустил из вида, то, что "вторичность" метафизических основ учения о праве в отношении законодательства практического разума у И. Канта совсем иного рода, чем "вторичность" метафизических основ учения о добродетели. Общей чертой у морального и правового категорического императива является априорно устанавливаемая практическим разумом форма всеобщности закона, и то, что оба они есть императивы свободы. Тем не менее, "предметы" законодательства и "содержание" свободы в них различны. В моральном законе – это определяющие волю моральные мотивы субъекта, в правовом – внешние поступки в их отношении к другим субъектам совершенно независимо к каким угодно мотивам и целям.

В своем творчестве И. Кант занялся этим вопросом в начале второго из трактатов "Метафизики нравов" (о добродетели). Главный результат его исследования состоял в том, что с его точки зрения о праве, как "прикладной морали", можно говорить лишь совсем в другом смысле, чем о добродетели. Применительно к добродетели речь действительно идет о приложении к опыту того же самого содержания морального законодательства. В праве же другой закон, хотя также производный от морального категорического императива, но иным образом. В учении о добродетели опыт, к которому "прилагается" моральное законодательство чистого, – это непосредственно внутренний опыт, т. е. сознание и целеполагание эмпирических индивидов. Только через него, при объективации целей осуществляется выход и к внешнему опыту. В учении о праве же превалирует иной опыт, внешние поступки, действия с полным отвлечением от их внутренней мотивации.

Согласно выводам мыслителя, приложение нравственного законодательства к явлениям в опыте само по себе не меняет его собственного "морального статуса" (того, что "прилагается"). В учении о добродетелях, где (как и в чистом практическом разуме) предметом исследования является определение мотивов и целей моральных поступков, имеют дело с той же самой моральной свободой, что и в "Критике практического разума", и ни с какой иной. В учении о праве это не так, поскольку здесь присутствуют другой закон и иная свобода. В праве существует законодательство практического разума, не совпадающее с законодательством моральным. Если бы оно (по содержанию) оставалось бы тем же самым (моральным), то в этом случае (если и право, и добродетель есть прикладная мораль) не могло бы быть самостоятельных метафизических оснований учения о праве, отличных от метафизических оснований учения о добродетели.

В самом же учении мыслителя о добродетели, не предполагается никаких других целей и мотивов, отличных от целей и мотивов чистого практического разума (т. е. мотивов морального долга). Проблема заключается в том, как сделать моральный долг действительным мотивом чувственно-телесных живых индивидов или (в терминологии самого И. Канта) каким образом объективный (необходимый и общезначимый) нравственный закон превратить в субъективный принцип поведения многих индивидов. Но при этом сам категорический императив нравственности и вытекающие из него конкретные предписания (нормы) по содержанию остаются при этом теми же самыми. В учении философа о праве, категорический императив практического разума прилагается уже не к воле человека, не к его мотивам и целям, а только лишь к его внешним поступкам с полным отвлечением от их мотивов, которые могут быть моральными, вне моральными и даже аморальными.

Неоспоримым является тот факт, что философия права И. Канта базировалась на содержании его моральной философии (о чем говорят, практически все исследователи его творчества), тем более, что это многократно подчеркивал и сам И. Кант. Однако, в метафизике права речь идет о приложении принципов практического разума в целом, тогда как в учении о добродетели – его же принципов в их специфическом моральном содержании. Достаточно обратиться к тексту "Критики практиче-

ского разума", чтобы увидеть, что все ее содержание связано с проблематикой внутренней свободы воли, выработки моральным субъектом целей и с мотивацией морального поведения, – но все это к учению о праве не имеет совершенно никакого отношения.

Сама же по себе отсылка к практическому разуму как к общему основанию морали и права не достаточна для отрицания самостоятельности правовой свободы, поскольку в противном случае можно было бы поставить под сомнение также и многократно провозглашавшееся самим мыслителем различие трансцендентальной и практической свободы, также имеющих общее основание, ведь "практическое понятие свободы основывается на этой трансцендентальной идее свободы, которая и составляет настоящий источник затруднений в вопросе о возможности свободы" [18]. Стоит особо подчеркнуть, что и самим философом трансцендентальная и практическая (моральная) свобода также различались по их "предмету": трансцендентальная мыслится применительно к сверхчувственным объектам, а практическая в приложении только к субъекту.

Представляется возможным констатировать тот факт, что в своих "Метафизических началах учения о праве" мыслитель расширил (в сравнении с "Критикой практического разума") сферу законодательства чистого практического разума, обнаружив в качестве "предмета" его компетенции наряду с внутренней свободой моральной воли также и свободу внешних поступков субъекта. В тексте "Критики практического разума" не было даже намека на возможность априорного закона чистого практического разума применительно к внешним поступкам, даже, скорее, наоборот.

В результате обсуждения вопроса о своеобразии правовой свободы в творчестве И. Канта, имеются основания сформулировать следующую гипотезу. Деление свободы на трансцендентальную и практическую в философии И. Канта является фундаментальным, не оспариваемым и не подлежащим пересмотру. Практическая свобода не сводится только к моральной свободе. Более того, правовая свобода качественно отлична от моральной свободы и есть особый вид свободы. Моральная и правовая свобода – это формы (виды) практической свободы. Как писал И. Кант при обсуждении "принципов отделения учения о добродетели от учения о праве", "понятие свободы, общее им обоим, делает необходимым деление на обязанности внешней и на обязанности внутренней свободы; из них лишь последние этические" [19], подразумевая при этом, что первые – правовые.

Приведенные в данном исследовании соображения представляются достаточными для обоснования правомерности данной гипотезы, но, однако, пока они еще недостаточны для ее подтверждения. Необходима дальнейшая исследовательская работа по осмыслению содержания философии права И. Канта. С другой стороны, если гипотеза найдет подтверждение, это будет означать необходимость в целом внесения существенных корректив в сложившиеся в настоящее время представления о "философии свободы" мыслителя.

При трактовке правовой свободы как самостоятельного вида свободы сталкиваются с принципиальным затруднением. Дело в том, что, согласно выводов И. Канта, трансцендентальная свобода и практическая (моральная) свобода в основе своей имеют одно и то же общее понятие свободы как самопроизвольной, ничем не обусловленной причинности. В какой мере это же понятие свободы может быть приложимо также и к правовой свободе (хотя бы и с модификациями) или же не может, и в таком случае имеют дело с другим понятием свободы, – этот вопрос также требует специального дополнительного анализа. Дополнительное затруднение происходит из того, что правовая свобода для своего существования нуждается во внешних гарантиях со стороны публичной власти и предполагает принуждение к свободе,

в том числе и насильственное. А вместе с тем, в «моральной» свободе, ничего подобного нет, ибо объективно, она – внутреннее автономное дело каждого индивида.

Ссылки на источники

1. Кассирер Э. Жизнь и учение Канта / Э. Кассирер. – СПб. : Слово, 1997.
2. Виндельбанд В. От Канта до Ницше / В. Виндельбанд. – М. : Наука, 1998.
3. Кант И. Критика чистого разума: Соч. В 6 т. Т. 3. / И. Кант. – М. : Мысль, 1964.
4. Там же.
5. Кант И. Основы метафизики нравственности : Соч. В 6 т. Т. 4. Ч. 1. / И. Кант. – М. : Мысль, 1965.
6. Кант И. Критика чистого разума : Соч. В 6 т. Т. 3. / И. Кант. – М. : Мысль, 1964.
7. Там же.
8. Кант И. Критика способности суждения : Соч. В 6 т. Т. 5. / И. Кант. – М. : Мысль, 1966.
9. Кант И. Метафизика нравов : Соч. В 6 т. Т. 4 ч. 1 / И. Кант. – М. : Мысль, 1965.
10. Там же.
11. Кант И. Критика чистого разума : Соч. В 6 т. Т. 3. / И. Кант. – М. : Мысль, 1964.
12. Там же.
13. Кант И. Основы метафизики нравственности / И. Кант. – С. 267.
14. Кант И. Критика чистого разума : Соч. в 6 т. Т. 3 / И. Кант. – М. : Мысль, 1964.
15. Кант И. Метафизика нравов : Соч. В 6 т. Т. 4 ч. 1 / И. Кант. – М. : Мысль, 1965.
16. Там же.
17. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве / П. И. Новгородцев. – СПб. : Слово, 2000.
18. Кант И. Критика чистого разума : Соч. В 6 т. Т. 3. / И. Кант. – М. : Мысль, 1964.
19. Кант И. Метафизика нравов : Соч. В 6 т. Т. 4 ч. 1 / И. Кант. – М. : Мысль, 1965.

Andrew Tumanov,

Candidate of Philosophical Sciences, associate professor at the chair of criminal law and criminology Murmansk State Technical's University, Murmansk

Problems of legal freedom in E. Kant`s creativity

Abstract. Paper refers to the issues related to issues of law and legal freedom, E.Kant`s considered within the critical philosophy he created, as well as views on these issues researchers of his creative work.

Keywords: Emmanuel Kant, law, legal freedom, critical philosophy, philosophy of law.